

ПОЛНЫЙ ШАНДЕЦ

БОЖЕ мой, до чего мы все непосредственные! До чего непосредственные все мы, до чего ж компанейские! За компанию чего мы только не сделаем, чего только не стерпим — лишь бы компанию не разрушать.

Вот выходит на эстраду артист. Причем артист хороший. Ей-богу, хороший артист — я своими глазами видел Арлазорова в Театре имени Моссовета и могу подтвердить: хороший артист.

И вот выходит на сцену хороший артист Арлазоров и начинает прикидываться, будто он — хам. Поскольку он хороший артист (или по каким другим причинам), то зритель ему верит. И когда Арлазоров со сцены кричит: «Эй ты, мужик!» — то зритель охотно откликнется. Хотя в троллейбусе за такое обращение наступают на ногу.

Более того, зритель с восторгом начинает играть в эту хамскую игру. Ему говорят: «Когда я трубку подниму — ты загуди». И он гудит, милый. Потому что его артист попросил. И чтобы компанию не разрушать. И чтобы все убедились, что он, зритель, непосредственный, а то ведь могут подумать, что посредственный. А то, что артист Арлазоров ко всем на «ты» — так это такая наша социалистическая вежливость, такое наше братство людей, традиционно тонущих в одной лодке.

«Ну ты, мужик!» — «Я — мужик, чего надо?» — такое вот общение в номерах артиста Арлазорова. Хамство возводится в ранг искусства. Может, у меня опыт зрительский маловат, но я такого не видел никогда. Чтобы артист хамил со сцены, зрители участвовали в этом всеобщем хамстве, а потом радостно — себе и артисту — аплодировали. Не видел.

«Это какой Арлазоров? Это который — мужик?» Нет, ребята. Это мы все — мужики подопытные, а он — артист, который задает правила игры. Игры в хамство. Игры, которая сделала актеру имя.

Но полный шандец состоит не в том, что артисту Яну Арлазорову кажется, что современный герой — это

такой хам, который может легко тыкать, может заставлять людей, сидящих в зале, заниматься всякими глупостями, который и сам может смеяться над сидящими в зале и других заставляет смеяться. Полный шандец состоит как раз в том, что Ян Арлазоров прав. И стоит крикнуть со сцены: «Эй, мужик, ты чего с телефоном обращаться не умеешь?» — как мы готовы радостно потирать руки: «Да-да, это к нам. Это мы тут собрались такие, мужики. Давай артист! Прикинься хамом! Ты сразу станешь нам ближе и роднее!» А над соседом посмеяться — это ж удовольствие какое! А он не обидится, сосед, потому что у него есть чувство юмора, потому что, если он обидится — мы скажем: нету. И он не обидится.

И никто не скажет Арлазорову: «А вы знаете, вообще-то у меня отчество есть. Вообще-то я не люблю, когда ко мне обращаются: «Эй, мужик!» Никто не скажет. Потому что мы очень непосредственные. Потому что мы страшно компанейские. Потому что чего только мы не стерпим — лишь бы компанию не разрушать.

Вот это, по-моему, и есть полный шандец. Поэтому не сказать об этом в своей рубрике я просто не мог. И хватит об этом. Вообще не хочется много о неприятном. Поэтому на оставшемся месте хочу о приятном сказать. С Яном Арлазоровым никак не связанном. Связанном, наоборот, с делом, где такт и чувство меры на высоте.

Впрочем, говорю сразу: никого ни с кем не сравниваю. Просто делаю такой (не очень плавный), но все равно переход. А дело состоит в том, что

Пожалуйста, не хамите!

посмотрел я в театре «Сатирикон» два спектакля. Один называется «Багдадский вор», второй — «Голый король». Поставил их один и тот же человек — Александр Горбань.

Про Александра Горбаня я ничего не знаю. Даже не знаю, сколько ему лет и что он раньше делал. Но, поглядев его спектакли в «Сатириконе», порадовался, что у нас появился режиссер, который умеет ставить музыкальные спектакли с чувством меры, с тактом и с отдельными недостатками, на которых сейчас сосредоточиваться не будем.

Под началом Александра Горбаня массовка театра «Сатирикон» обрела лица. Стало ясно, что Константин Райкин собрал в театре молодежь, которая действительно многое умеет.

Не буду называть имен, чтобы никого не обидеть. Но одно назову — уж очень выделяется А. Якубов. Вы можете мне не верить, если не видели, но это превосходный комедийный артист. Умеющий петь, танцевать, прыгать-бегать, но — главное — быть до того заразительно смешным, что тут уж не до критического анализа — тут бы только аплодировать успевать.

Несмотря на то, что и «Голый король», и тем более «Багдадский вор» — работы вовсе не безупречные, это своеобразные работы. И в данном случае полный шандец состоит в том, что их как-то не очень хочет привечать критика. Зрители ходят, смотрят, радуются. Критика как-то не очень ходит, не очень смотрит и радуется, наверное, по иному поводу. Зря. Музыкальные спектакли — не такое уж частое явление в нашей жизни. Хорошие музыкальные спектакли — совсем редкость.

Как же мне закончить эти заметки, дабы, никого никому не противопоставляя, все же сделать какой-нибудь вывод? А, впрочем, нужен ли он? Есть в жизни хамство, есть театр. Так тому и быть.

А какие еще выводы?

Андрей МАКСИМОВ.